

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография под эгидой Московского Центра Карнеги посвящена проблемам и тенденциям наступающей новой ядерной эпохи, которая будет во многом отличаться от знакомого нам прошлого.

Второе десятилетие XXI века оказалось совершенно не таким, как предполагали политики, эксперты и журналисты или как ожидала мировая общественность после окончания холодной войны четверть века назад. Тогда закончилось 40-летнее глобальное противостояние двух враждебных коалиций во главе с СССР и США, началось реальное ядерное разоружение, и угроза третьей мировой войны с губительными последствиями для современной цивилизации, как представлялось, навсегда ушла в прошлое. Реальность последующего периода оказалась гораздо более противоречивой и суровой, но даже еще пять лет назад мало кто мог предположить, к чему придет состояние международной безопасности в наши дни.

Приходится констатировать, что ныне многие события и процессы внутри России и в окружающем мире вызывают ассоциации с положением дел трехдесятилетней давности. Москва решила свернуть с европейского пути развития (в смысле построения либеральных демократических институтов и норм), по которому Россия пыталась следовать после распада СССР. Было также твердо заявлено о нежелании мириться с моделью неравноправных отношений с Западом, которая сложилась после окончания холодной войны. Был взят курс на активную дипломатию и восстановление военной мощи в целях возрождения статуса России как глобального центра силы и «локомотива» коалиций, противостоящих глобальному доминированию Запада.

Как и следовало ожидать, США и их союзники встали на курс противодействия Москве. В 2013 г. разразился украинский кризис как кульминация соперничества России и Запада за доминирование на постсоветском пространстве, а вслед за этим и в прилегающих регионах. После присоединения Крыма к России и начала войны в Донбассе в 2014 г. Запад развязал против Москвы войну экономических санкций и стал реанимировать в той или иной форме стратегию ее «изоляции»

и «сдерживания». С использованием новейших информационных технологий развернулась ожесточенная пропагандистская борьба наряду с периодическими хакерскими диверсиями. Возрождается интенсивное военное противостояние России и США/НАТО в Восточной Европе, в зонах Балтийского и Черного морей, в Арктике и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Происходят наращивание военного присутствия, непрерывные крупные войсковые учения, рискованные сближения кораблей и самолетов, демонстративные полеты стратегической авиации и пуски ракет.

В ближайшие годы может начаться новый цикл гонки вооружений — ядерных и обычных, наступательных и оборонительных. Построенная за несколько десятилетий система договоров и режимов контроля над вооружениями вступила в стадию кризиса и распада. Опасность большой войны России и США, в том числе с применением ядерного оружия, вновь нависла над Европой и остальным миром.

Конечно, история не повторяется дважды, мир объективно и основательно изменился за 30 последних лет, какие бы ностальгические чувства и заимствованные из прошлого идеи ни овладевали политиками. Задним числом холодную войну зачастую вспоминают схематично — как период равенства и стабильности, взаимной сдержанности и ясных правил игры на мировой арене. На деле холодная война прошла разные этапы, и ситуация была гораздо более противоречива: союзы распадались, в локальных войнах гибли десятки миллионов людей, раз за разом случались кризисы на грани ядерной войны, а гонка вооружений достигла беспрецедентных в истории темпов и масштабов.

Тем не менее новый миропорядок (или беспорядок), который идет на смену холодной войне и периоду первого 20-летия после нее, несет с собой новые, подчас не менее серьезные, угрозы. В том числе и прежде всего это относится к роли и месту ядерного оружия в системе международной безопасности. Ведь главный итог первых 70 лет ядерного века, при всех его опасностях и огромных издержках, состоит в том, что человечеству удалось избежать ядерной войны и создать широкую договорно-правовую систему ограничения вооружений. Благодаря ей за последнюю четверть века глобальные ядерные арсеналы были сокращены по разным категориям в 5–7 раз, а то и на порядок. Однако сохранение и преумножение этих позитивных результатов на будущее отнюдь не гарантировано.

Интенсивные технические инновации в военно-техническом развитии размывают традиционные разграничения между ядерным и обычным оружием, глобальными и региональными системами, оборонительными и наступательными вооружениями. Это повышает опасность

быстрой эскалации локального конфликта к региональному и глобальному ядерному уровню.

Стремительно растут возможности информационно-управляющих комплексов, точность, дальность действия, варьируемая мощность, автономность вооружений, гибкость и автоматизация его применения. В военных доктринах и планах ведущих держав, судя по всему, появляются концепции избирательного использования ядерного оружия друг против друга даже в локальных конфликтах. Вероятно, принята предпосылка, что это не вызовет эскалации к массированному обмену ударами, которая в годы холодной войны считалась неизбежной и влекущей за собой всеобщую катастрофу. Наверное, как ни парадоксально, эта абберрация стратегического менталитета обусловлена глубоким сокращением ядерных арсеналов США и России и большим запасом устойчивости баланса взаимного сдерживания на уровне стратегических ядерных сил. Такое состояние стратегических взаимоотношений не ставится под сомнение Вашингтоном, тогда как Москва выражает озабоченность только по поводу влияния на баланс со стороны оборонительных и наступательных вооружений в неядерном оснащении.

Между тем резкое обострение военно-политических противоречий между главными центрами силы, прежде всего между Россией и США/НАТО (а в перспективе, возможно, между КНР и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе), переводит указанные технические и концептуальные новации из разряда закрытой сферы разработок стратегических экспертов на передний рубеж реальной военно-политической конфронтации великих держав.

Внутренняя политика ведущих стран и динамика международных отношений преподносят все новые сюрпризы. Самый яркий пример такого рода за последнее время — неожиданная победа Дональда Трампа на президентских выборах в США в ноябре 2016 г. Неординарная личность нового главы американского государства и его эксцентричные декларации в ходе избирательной кампании взволновали весь мир и заставили одних радоваться, а других — ужасаться итогом выборов. Представленная вниманию читателей книга была написана авторами до отмеченных событий, но даже если бы она была закончена позже, победа Трампа едва ли существенно повлияла бы на содержание монографии. Причина в том, что политика нового руководства США еще не сформировалась и остается весьма неясным, как идеи президента будут скорректированы реальностями внутри США и вовне. Это относится и к сфере гонки ядерных вооружений, перспективам их сокращения и нераспространения, хотя ряд заявлений Трампа не способствует оптимистическим прогнозам. В то же время новейшая история знает случаи, когда с участием консервативных президентов (таких как Ричард

Никсон или Рональд Рейган) именно в этой области мировой политики удавалось достигать крупных успехов.

Настоящая книга адресована долговременным проблемам наступающего периода отношений государств, которые связаны с ядерным оружием и новейшими высокоточными вооружениями в конвенциональном (неядерном) оснащении. Понятно, что даже в большой коллективной монографии невозможно охватить все стороны этой обширной темы. К тому же многие составляющие ее элементы находятся в стадии развития, что создает большую неопределенность на будущее. В каждой главе авторы высказывают собственные, подчас спорные, взгляды и в ряде случаев выдвигают предложения по решению проблем.

В первой главе первого раздела книги рассмотрены перемены, происходящие в отношениях ядерных государств, военных технологиях и стратегических концепциях. Анализируются признаки начала новой гонки ядерных вооружений, ослабления сдерживающих факторов их применения, выработанных в предыдущий период. При этом мировое политическое сообщество не только не пытается обуздать эти опасности, но, похоже, их вообще не осознает.

Новую ядерную эпоху уже нельзя объяснить, а значит и эффективно решать ее проблемы, придавая центральное значение лишь российско-американским отношениям в ядерной сфере и рассматривая все другие события как второстепенные осложнения. Для достижения прогресса потребуется сочетание многосторонних, двусторонних и трехсторонних подходов. Хотя успех будет зависеть от лидерской роли США и России, а впоследствии еще и Китая, в конечном итоге новая система ограничения вооружений должна быть гибкой, многомерной и учитывать качественные и количественные параметры военно-политического миропорядка.

Во второй главе исследуется центральный аспект нынешнего кризиса в сфере контроля ядерного оружия — беспрецедентно длительная пауза в почти полувековых переговорах России и США по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ). Анализируются причины этой стагнации и предлоги для ее обоснования, предлагаются пути выхода из тупика. Автор доказывает, что системы ПРО и стратегические неядерные вооружения не влияют на стратегический баланс сколько-нибудь существенным образом, а возможности многостороннего ядерного контроля зависят прежде всего от преодоления застоя в двусторонних отношениях ядерных сверхдержав. Для поддержания стратегической стабильности, предотвращения или ограничения нового цикла гонки вооружений и сохранения всей системы контроля ядерного оружия в мире требуются незамедлитель-

ное начало переговоров о следующем договоре СНВ и шаги по сохранению Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (Договор РСМД). В следующем соглашении определенное понижение потолков действующего Договора СНВ после его истечения в 2021 г. способно в полной мере обеспечить стабильность двустороннего ядерного баланса практически на том же уровне, позволяя России сократить затраты на вооружения. Этот вывод подкреплен предметными авторскими расчетами динамического моделирования стратегического ядерного баланса.

В третьей главе анализируются проблемы подключения третьих ядерных государств к процессу ограничения вооружений, что выдвигается Россией в качестве одного из условий для переговоров о дальнейших сокращениях вооружений после истечения нынешнего российско-американского Договора СНВ (позиция США по этому вопросу не предполагает той же срочности). Как дальнейшее российско-американское ядерное разоружение, так и укрепление режима нераспространения ядерного оружия предполагают, что третьи ядерные государства (прежде всего Великобритания, Франция и Китай) должны присоединиться к договорно-правовому ограничению вооружений. Эта идея была официально принята на форумах «Р5». Однако, как показано в главе, встречи «Р5» послужили площадкой для полезных дискуссий и конструктивных общих документов, но не смогли достичь основной цели: вовлечения третьих ядерных держав в процесс ограничения ядерных вооружений. Исследуются причины этой неудачи и предлагаются иные форматы и принципы придания контролю ядерного оружия многостороннего формата.

Во втором разделе детально анализируются ядерные силы, программы и стратегические концепции трех государств, являющихся легитимными обладателями ядерного оружия по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и одновременно — постоянными членами Совета Безопасности ООН.

Четвертая глава адресована Великобритании и Франции, которые обе входят в НАТО и имеют сходные по составу и количеству ядерные силы. Однако если в политических кругах Британии много лет идет серьезная дискуссия о том, нужны ли вообще стране ядерные силы, то во Франции есть консенсус против любых шагов разоружения и мер ограничения ядерных средств в увязке с соглашениями между Россией и США. Отмечено, что максимум, на что могли бы пойти эти государства при наличии сильных политических стимулов, — это участие в многостороннем обмене данными о ядерных силах, причем и Лондон, и Париж уже раскрыли в одностороннем порядке немало информации на этот счет. В рамках официального соглашения о транспарентности

они могли бы взять на себя обязательство делать это регулярно, но в настоящее время обе страны не видят смысла в подобном соглашении, если оно не будет включать КНР.

Пятая глава посвящена исключительно важной теме — ядерной политике Китая. До недавнего времени Пекин осуществлял умеренную программу развертывания стратегических вооружений согласно концепции сдерживания на основе потенциала ограниченного ядерного возмездия и отказа от использования ядерного оружия первым. Однако, как отмечает автор, развитие современных технологий и изменения в сфере безопасности меняют позицию Китая. В военных кругах раздаются призывы обрести возможность нанесения удара по сигналу средств предупреждения о ракетной атаке, какой ныне обладают только США и Россия. Это потребует полностью боеготовых ядерных сил и больших затрат на информационно-управляющие системы, резко сократит время принятия решения руководством о запуске китайских ракет и создаст опасность ядерной войны из-за ложной тревоги.

Форсированное развитие ракетных сил подводного базирования КНР, наряду с активностью американских противолодочных операций и развитием для них новых систем ПЛО, повышает военную напряженность (например, в Южно-Китайском море), подстегивает гонку морских вооружений и создает опасность столкновений подводных лодок, кораблей и самолетов в районах интенсивного судоходства. Автор предлагает вместо этого снизить интенсивность морского дежурства подводных лодок КНР и даже отправлять их в море без ядерных средств (хотя последний пункт выглядит весьма спорным).

Еще одно опасение Пекина связано с развитием высокоточных неядерных систем США, которые способны нанести удар по китайским ядерным арсеналам, объединенному штабу и системам управления, даже не переступая ядерный порог. Из-за этого отдельные китайские аналитики начали подвергать сомнению целесообразность доктрины безоговорочного неприменения ядерного оружия первыми. К тому же если раньше Китай четко отделял свое ядерное оружие от обычных сил и средств, то теперь там всерьез рассматривают стратегические аспекты и системы, размывающие грань между ядерными и обычными вооружениями. Такая же логика стоит за сегодняшними китайскими разработками гиперзвуковых технологий, по которым Китай, как и другие крупнейшие державы, стремительно продвигается вперед.

В качестве метода борьбы с такой угрозой автор предлагает заключить соглашение держав об отказе от ударов неядерными средствами по ядерным силам друг друга, а также поддержать международное движение в пользу запрета на использование ядерного оружия как самого эффективного способа добиться ядерного разоружения. Отметим, что,

хотя эта тема отсутствует в данной главе, движение к столь амбициозным целям Китай мог бы стимулировать для начала такими скромными шагами, как обеспечение транспарентности своих ядерных сил и программ по примеру четырех других стран «Р5».

Третья часть посвящена четырем ядерным государствам, стоящим вне ДНЯО и с точки зрения международного права имеющим спорный ядерный статус. Шестая глава адресована Индии и Пакистану, которые находятся в состоянии взаимного ядерного сдерживания и примерного паритета, ведут гонку ядерных вооружений и опираются на стратегические концепции, создающие на фоне конфликтной политической ситуации самую высокую опасность ядерной войны в современном мире. Теоретически возможность ограничения вооружений двух государств никак не зависит от других ядерных держав, за исключением Китая, с которым Индия тоже имеет отношения ядерного сдерживания и военного соперничества. Две страны Южной Азии заключили ряд маргинальных соглашений по уменьшению опасности ядерного конфликта. Однако для минимальной стабилизации положения автор считает необходимым согласование между ними дополнительных взаимных мер доверия, транспарентности и снижения боеготовности ракетно-ядерных вооружений.

В следующей, седьмой, главе рассмотрена другая острая проблема ядерной безопасности — ракетно-ядерная программа КНДР как фактор нестабильности на Дальнем Востоке. В отличие от стран Южной Азии она не создает угрозу ядерной войны, поскольку у Северной Кореи нет противника, готового применить против нее ядерное оружие. Тем не менее многолетние усилия Пхеньяна по развитию ракет все большей дальности, производству и испытаниям ядерного оружия, попытки создать термоядерные боеприпасы и периодически инспирируемые кризисы создают в регионе опасность вооруженного конфликта с применением ядерного оружия — пусть одностороннего, но с катастрофическими последствиями. Если контроль над ядерным оружием в Южной Азии хотя бы косвенно связан с общей тематикой ядерного разоружения (через отношения Индии с КНР, которая включена в ядерный баланс с США и негласно — с Россией), то проблема КНДР стоит особняком.

Пхеньян рассматривает обладание ракетно-ядерным потенциалом как главную гарантию обеспечения национальной безопасности при сохранении существующего политического режима, и так будет, пока сохраняется этот режим. Не надуманная внешняя угроза, а специфика политического режима стоит в основе ядерного потенциала Северной Кореи. Поэтому возобновление приостановленных в апреле 2009 г. шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова утратило смысл. В будущем международные дипломатические

усилия должны быть направлены на то, чтобы через деэскалацию отношений с КНДР, прежде всего в формате КНДР—США, остановить рост ракетно-ядерного потенциала этой страны: добиться прекращения ядерных испытаний и пусков ракет все большей дальности, разработки оружейного урана и плутония, исключить утечку из страны ядерных технологий и материалов. При этом не следует рассчитывать, что северокорейские власти пойдут на уступки только лишь за отмену введенных санкций. Потребуется предоставить КНДР юридически закрепленные международные гарантии полноценного суверенитета, невмешательства в ее внутренние дела и отказа от применения или угрозы применения в отношении нее военной силы.

Восьмая глава посвящена ситуации на другом краю Азии — на Ближнем Востоке — и ядерному потенциалу Израиля. Его непризнанная ядерная программа тоже изолирована от общей тематики разоружения, хотя Израиль подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Однако израильское ядерное оружие в отличие от ситуации с КНДР не имеет внутривнутриполитического измерения. Она всецело относится к внешней безопасности, которая подвергается не вымышленным, а вполне реальным угрозам со стороны окружающего мира исламских государств и террористических движений, открыто призывающих и стремящихся к уничтожению Израиля и обладающих огромными геополитическими и демографическими (а потенциально — и военными) преимуществами. Страна располагает ядерной триадой, опирающейся на носители двойного предназначения, которыми являются тактические самолеты, наземно-мобильные ракетные комплексы и дизель-электрические подводные лодки. Ядерное оружие рассматривается Тель-Авивом как оружие последней надежды и может быть применено первым в случае вооруженного нападения на страну, если под угрозу будет поставлено само существование Израиля как государства. В случае нанесения ядерного удара по Израилю (или удара с использованием других видов оружия массового уничтожения) выживший ядерный арсенал последнего будет без колебаний применен против агрессора. Израиль предпринимает все усилия, чтобы не допустить появления возможности создания ядерного оружия потенциальными противниками, не исключая использование военной силы, даже если будут нарушены нормы международного права.

Без кардинального изменения военно-стратегической ситуации в регионе на обозримую перспективу у Тель-Авива нет стимулов для отказа от ядерного оружия. «Анонимный» ядерный арсенал Израиля никак не связан с контролем ядерного оружия с участием других ядерных держав, но весьма зависит от состояния дел в сфере нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке и в других регио-

нах. В свою очередь, израильский потенциал служит стимулом для развития «престижной» атомной энергетики окружающих стран региона и их периодических подходов к «ядерному порогу».

Четвертая часть книги рассматривает вопросы укрепления существующих многосторонних режимов ядерного нераспространения и возможных будущих форматов разоружения. В девятой главе анализируется важнейшее многостороннее соглашение от 2015 г. по атомной программе Ирана (Совместный всеобъемлющий план действий — СВПД). Также в центре внимания — возможность использования созданных им прецедентов для укрепления режима нераспространения. Несмотря на прямую оговорку в этом соглашении, отрицающую такой подход, автор полагает, что некоторые инновационные характеристики соглашения можно взять на вооружение в более широком масштабе, для развития мирного ядерного сотрудничества и одновременно — для укрепления уверенности в том, что ядерные программы гражданского назначения не будут использоваться для создания ядерного оружия. Государства, которые вознамерятся в будущем незаконно овладеть ядерным оружием, столкнутся с серьезными издержками и другими препятствиями, опыт которых (включая широкую систему контроля) заложен в СВПД. В нем есть положения, которые можно в будущем использовать в качестве образца для обеспечения уверенности в том, что атомные программы неядерных государств останутся мирными и не будут применяться для создания ядерного оружия.

Автор высказывает весьма интересное мнение, что угроза распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке преувеличивается, а иранское соглашение создает возможности для дальнейшего ослабления этой угрозы даже несмотря на то, что соглашение затруднит задачу убеждения других стран отказаться от потенциала для обогащения урана. Рассматривая конкретные случаи Саудовской Аравии, Египта и Турции, которые с наибольшей вероятностью хотели бы создать противовес потенциальной ядерной мощи Ирана, автор делает вывод (который может показаться спорным), что у них нет элементарных технических возможностей, материальной и социальной инфраструктуры и политико-экономического пространства, позволяющих предпринять усилия по обретению ядерного оружия при противодействии международного сообщества. В этом плане подчеркивается, что, если любая из этих стран попытается создать ядерный потенциал двойного назначения, международное сообщество как минимум постарается заставить ее принять модальности мониторинга и верификации ядерной деятельности, аналогичные тем, что принял Иран в рамках соглашения 2015 г.

По мере выполнения СВПД в течение ближайших 10–15 лет международное сообщество должно широко применять его взаимовыгодные положения. Соответствующие пункты могли бы включаться в межгосударственные соглашения о ядерном сотрудничестве. Группа ядерных поставщиков могла бы потребовать принятия этих положений в качестве ориентиров для торговли с государствами, стремящимися создать потенциал для обогащения урана и/или сепарации плутония. На будущих конференциях по рассмотрению ДНЯО можно обсудить и рекомендовать к введению запрет на конкретные виды деятельности, способствующие созданию ядерных взрывных устройств — как в рамках борьбы с распространением ядерного оружия, так и в качестве элемента ядерного разоружения. Совету управляющих МАГАТЭ стоило бы дополнить существующие сдержки новыми процедурами мониторинга и проверки применительно к государствам, реализующим программы в сфере топливного цикла.

Десятая глава продолжает тему предыдущей применительно к частному, но кардинальному вопросу укрепления режима нераспространения — усилению гарантий МАГАТЭ. Концепция гарантий на уровне государства (КГУГ) является собой недавний этап эволюции системы гарантий МАГАТЭ. Эта концепция определяет способ применения гарантий МАГАТЭ в конкретном государстве с учетом всей имеющейся информации о нем (материалов, объектов и деятельности), чтобы надежнее выявлять несоблюдение ими обязательств по гарантиям в условиях практической неизменности бюджета Агентства. Россия наряду с другими странами-участницами выразила озабоченность в связи с концепцией гарантий на уровне государства, поскольку она способствует политизации системы гарантий, позволяя МАГАТЭ принимать необъективные решения о применении гарантий, основываясь на информации, предоставляемой третьими сторонами, которая может быть неточной и даже сфабрикованной в интересах тех или иных государств.

Глубинными корнями позиции России, считает автор, является стремление изменить нынешнее, по мнению Кремля, основанное на гегемонии Запада международное устройство, обеспечить соответствие деятельности международных организаций, в том числе МАГАТЭ, их первоначальному мандату, помешать западным странам расширительно толковать решения этих организаций в собственных целях. Россия ставит перед собой цель экспансии на мировом рынке ядерных технологий и материалов и рассматривает предложения по ужесточению гарантий МАГАТЭ как один из способов Запада, направленных на ее вытеснение и ущемление стран-партнеров по мирному атомному сотрудничеству. Автор высказывает мысль, что МАГАТЭ, возможно, никогда не сможет полностью выполнить пожелания и требования России и

обеспечить соблюдение ее стандартов, ведь некоторые факторы, относящиеся к конкретным государствам, по определению субъективны. Вместе с тем Секретариат МАГАТЭ в состоянии частично развеять беспокойство Москвы удовлетворительным для нее образом. В остальном разногласия, мешающие укреплению режима нераспространения через ужесточение гарантий МАГАТЭ, могут быть ослаблены, если и когда между интересами России и Запада появится больше совпадений. До таких изменений Россия будет и дальше во весь голос заявлять о своих национальных интересах во многих сегментах международной арены, включая рынок ядерных технологий и материалов, что обусловлено политико-экономическими интересами России.

В 11-й главе исследуется положение дел с распространением основного носителя ядерного оружия — ракет и ракетных технологий. Отмечено, что предпринимавшиеся до настоящего времени попытки ограничения такого распространения существенных успехов не имели. К согласованному в 1987 г. режиму контроля за ракетными технологиями (РКРТ) в настоящее время присоединились 35 стран (последней стала Индия — в 2016 г.). Режим не является юридически обязывающим — он представляет собой добровольное принятие положений РКРТ государствами, разделяющими цели ракетного нераспространения. Оценки цели ракетной и космической программ страны-получателя нередко становятся предметом разногласий членов режима. За более чем 20-летнюю историю к РКРТ присоединилась лишь одна шестая часть государств мира. Так, в огромном Азиатском регионе, где «ракетные угрозы» велики, в числе членов режима состоят только три страны — Япония, Корея и Турция.

Новой задачей для РКРТ является включение в режим новейших ракетно-планирующих гиперзвуковых систем. Передача используемых для них разгонных блоков и гиперзвуковых аэродинамических носителей и соответствующих технологий формально подпадает под ограничения РКРТ. Гиперзвуковые системы, по экспертным оценкам, находятся в разработке и на стадии испытаний в таких развитых в военно-техническом отношении государствах, как США, Россия и Китай (последний до сих пор не является членом РКРТ). В ближайшем будущем передача ими новейших систем оружия и технологий другим государствам маловероятна. Но в более отдаленной перспективе включение гиперзвуковых систем в РКРТ потребует согласования технических определений таких систем, их дальности и забрасываемого веса, а также списков соответствующих высоких технологий, поскольку гиперзвуковые средства сочетают элементы баллистической и гиперзвуковой крылатых ракет. В принципе это возможно, при условии присоединения к режиму КНР. Не менее важно, что этот процесс может быть начат лишь в слу-

чае кардинального улучшения военно-политической ситуации в мире, купирования последствий украинского кризиса и как следствие — преодоления тупика на центральных направлениях сокращения и ограничения вооружений. На перспективу совершенствование РКРТ видится автору на путях согласования и принятия юридически обязывающего соглашения, которое интегрировало бы в себе положения самого РКРТ, Гаагского кодекса поведения и предлагавшейся Россией еще в 1999 г. Глобальной системы контроля как основы нового режима ракетного нераспространения по типу ДНЯО.

Последняя, 13-я, глава книги посвящена общей логике перехода к многостороннему формату ограничения и сокращения ядерных вооружений государств. Наверное, самый удобный для России и США вариант состоял бы в том, чтобы закрепить существующее соотношение сил с остальными семью странами на пропорциональной основе или выделить им квоты в рамках суммарного потолка (например, в 1 тыс. боезарядов). Однако, как всегда бывает с простыми решениями, этот механический подход наименее реализуем. Так же нереален путь поэтапного присоединения остальных ядерных государств к процессу сокращения и ограничения ядерных вооружений России и США.

Каждое из семи остальных ядерных государств, как Россия и США, связывает со своим ядерным оружием собственные интересы безопасности (сдерживание нападения с использованием ядерных или обычных сил и средств, статус и престиж, козырь на переговорах, консолидация власти внутри страны). Эти интересы зачастую не соотносятся с ядерными силами двух сверхдержав и большинства других стран — обладательниц ядерным оружием. Поэтому они не согласятся ни на суммарный потолок, ни на индивидуальные квоты в каком-то фиксированном соотношении между собой. По той же причине третьи ядерные державы принципиально отказываются объединяться в одну или две группы для сопоставления с ядерными силами каждой из двух сверхдержав.

Еще более важный момент состоит в том, что серьезные переговоры и соглашения по ограничению вооружений — это не символика, а важнейший элемент военно-стратегических отношений государств. Поэтому для переговоров об ограничении вооружений необходимо наличие вполне определенных стратегических отношений сторон (например, взаимного ядерного сдерживания), как между США и Россией (а прежде — Советским Союзом), а также примерного паритета арсеналов. Тогда одно государство может ограничить свои вооруженные силы и военные программы в обмен на то, что их ограничивает другое, причем на основе равенства, чтобы не закреплять юридически свое военное отставание.

Отношения взаимного сдерживания и паритета в ядерной девятке является исключением, а не правилом. Они есть только между Россией и США, а также между Индией и Пакистаном. Великобритания и Франция имеют с Россией отношения взаимного сдерживания, но не паритета. То же относится к балансу США и КНР, а также (латентно) России и Китая. Но взаимное ядерное сдерживание по политическим или военно-техническим причинам отсутствует в отношениях США, Франции и Великобритании с Израилем, Индией, Пакистаном и КНДР. Таких отношений не просматривается в стратегических взаимоотношениях России с Индией, тогда как в отношениях Российской Федерации с Израилем, Пакистаном и КНДР вопрос не ясен. Хотя ядерное сдерживание тут может присутствовать «закулисно»: оно едва ли создает осязаемый предмет переговоров о взаимном ограничении вооружений. У Китая нет взаимодействия по модели ядерного сдерживания с Израилем, Пакистаном и КНДР. Два негласных и непризнанных ядерных государства на противоположных окраинах Евразии — Израиль и КНДР — едва ли могут стать формальными участниками переговоров о разоружении с кем бы то ни было. Если их ядерные средства когда-то и будут предметом соглашений, то, скорее всего, в рамках нераспространения ядерного оружия, решения проблем безопасности, ограничения обычных вооруженных сил, урегулирования политических, экономических, территориальных и внутренних конфликтов.

Основываясь на реальных военно-стратегических взаимоотношениях ядерных государств, автор полагает, что единственным гипотетически возможным вариантом могут стать несколько форумов двустороннего формата: Великобритания/Франция — Россия, США — КНР, Россия — КНР, КНР — Индия, Индия — Пакистан. Какая-то координация этих переговоров между собой была бы высшим достижением дипломатии Москвы и Вашингтона. При этом в ряде случаев третьи страны должны будут опираться на технические средства контроля России и США или специальных международных организаций (в рамках ООН или МАГАТЭ).

Приводимые авторами факты и расчеты, их взгляды и оценки не обязательно отражают позиции редакторов книги, Московского Центра Карнеги и тем более — всего Фонда Карнеги за Международный Мир. Насколько убедительно экспертам удалось обосновать свою точку зрения и внести вклад в научное знание по данной тематике, судить читателю.

А. Г. Арбатов